

Жил отец с больным ребенком.

Отец ездил по городу в поисках опытного врача, но никто не мог точно диагностировать болезнь его ребенка. Это было редкое заболевание, как его обычно называли, но в то время также известное как проклятие.

Если между ними и была разница, так это то, как реагировали врачи; с недоумением или страхом. Даже самые авторитетные врачи захлопывали двери перед отцом, и каждый раз он беспомощно опускал голову.

Симптомы у ребенка ухудшались с возрастом. Не в силах смотреть, как его ребенок каждую ночь рыдает от боли, отец разыскал мага в лесу вопреки возражениям всех, кого он знал.

Путь к магу был долгим и тернистым, забитым деревьями, борющимися за пространство, и зарослями, которые больше походили не на растения, а на сетчатые стены. С каждым шагом его тело покрывалось царапинами.

Отец пробрался сквозь заросли с топором и фонарём в руках и продолжил движение в том направлении, откуда шел дым. Он продолжал часами.

И тут за густой рощей деревьев показалась крохотная хижина.

Найдя жилище мага, отец тут же постучал в дверь.

Маг замолчал, узнав о плачевном положении отца. Открыв рот, он зловещим голосом приказал отцу привести ребенка.

Возможно, из-за того, что это была его последняя капля надежды, отец не заподозрил мага в том, вернет ли он его ребёнку здоровье, и быстро кивнул.

Отец вернулся домой, понес на спине больного ребенка и пошел тем же путем, которым пришел. Он отправился в этот долгий и трудный путь еще в третий раз, неся при этом стонущего от лихорадки ребенка. Это был изнурительный путь, но, несмотря на его изнеможение, все, что пришло в голову отцу, было облегчением от того, что он уже однажды прошел этот путь.

Если бы он не убрал ветки на своем пути туда и обратно, его ребенок был бы тем, кто страдал бы от царапин на теле.

Отец принёс ребенка и прибыл в обитель мага. Той темной ночью маг уложил ребенка спать. Затем он сказал отцу вернуться через три дня, прежде чем закрыть дверь.

Отец тащил своё уставшее, измученное тело домой, расчищая по дороге оставшиеся сучья.

Как и было обещано, через три дня отец посетил обитель мага. В тот момент, когда он вошел в хижину, он стал свидетелем чего-то невероятного — его ребенок прыгнул к нему на руки с милой улыбкой. Исчезло бледное лицо ребенка и искаженное от боли лицо.

Отец был счастлив как никогда, увидев эту детскую чистую улыбку. Он заплатил за лечение

деньгами, которые заработал, продав все, что у него было, и пошел домой, держа за руку своего выздоровевшего ребенка.

И вот однажды, год спустя, отец посмотрел на своего здорового ребенка и решил снова посетить мага. Он хотел рассказать магу, как ребенок, которого он вылечил, так вырос, как все ему благодарны. Так что, как и раньше, он взял ребенка за руку и отправился в обитель мага.

Прошел год с тех пор, как он пошел по лесной тропе. Препятствующие ветки снова стали толстыми, словно насмехаясь над его прошлыми усилиями. Но отец не беспокоился. В отличие от того времени, ребенок был достаточно здоров, чтобы справиться с несколькими царапинами.

Возможно, из-за того, что отец взял на себя инициативу, ребенок ничуть не пострадал, проходя через заросли.

Когда они прибыли, маг оказался в отъезде. Отец решил просто подождать у двери. Но когда солнце зашло за западную гору, он встревожился. Ребенок был таким же живым, как и всегда, но, обеспокоенный тем, что его ребенок истощен, отец вошел в обитель, несмотря на то, что знал, что это грубо.

В этот момент отец услышал тонкий стон. Он задавался вопросом, был ли еще один пациент, но затем внезапно его лицо застыло, когда его поразило зловещее предчувствие.

К сожалению, такие дурные предзнаменования оказывались удивительно точными. В конце концов, жизнь более чувствительна к опасности, чем к другим вещам.

Этот стон был слишком похож на голос его ребенка, рыдающего от боли год назад. Если и

была разница, то на этот раз он звучал еще слабее и болезненнее.

Отец как одержимый искал звук и наткнулся на толстую железную дверь в подвале. Он открыл дверь и увидел его — своего ребенка, висящего на нескольких нитях, дрожащего в агонии, не в силах даже закричать.

Ребенок, которого так нежно любил отец, был небрежно распилен и разрезан на куски, словно для того, чтобы использовать его в другом месте...

— Вот, обычная городская легенда. Позже те маги, которые любят давать имена вещам, заявили, что эта история содержит правду о магии, и дали ей причудливое название.

Аззи вернулась с диском во рту. Я спокойно взял диск и снова бросил его далеко, прежде чем продолжить.

— Магия — это проявление своеволия. Речь идет о том, чтобы выпустить свой мир, свои собственные идеи в мир. Вот почему это должно быть очень личным.

Я мог читать мысли, но магия, которую я мог использовать, была только заклинаниями нулевого уровня, доступными для всех. В конце концов, даже чтение мыслей не могло помочь мне воспроизвести магию, основанную на личном опыте.

— Вот почему ты не можешь исправить чужое тело с помощью магии. Если ты это сделаешь, то, как и в старой истории, которую я тебе рассказал, это будет то же самое, что отказаться от старого тела, чтобы создать нового гомункула... Именно с учетом этого смысла люди учат великому принципу, называемому дилеммой гомункула.

Я полагал, что этого было достаточно в качестве объяснения, поскольку вампир не была душой.

Или, если подумать, может быть, она была? Кто, черт возьми, просит, чтобы его ударила молния? Этот внезапный гром заставил меня сгорбиться от испуга, черт возьми.

Я смотрел, как диск возвращается снова, когда я заканчивал тему.

— У тебя хороший ученик. Я уверен, что он беспокоится о тебе, Стажер Тырканзяка.

— ... Да.

Вампир согласилась и ушла, не сказав ни слова. Я смотрел ей в след какое-то время, но Аззи торопила меня снова бросить диск.

Мм, странно. Действительно ли этот диск хорош? Не похоже, что что-то конкретно улучшилось, за исключением того, что мое рабочее время увеличилось.

— Гав!

Что ж, завоевывать расположение с ней сейчас может быть полезным когда-нибудь в

будущем. Я должен смириться с этим. Я работаю на будущее.

Хотя я и не знал, пригодится ли это когда-нибудь.

— Хм. Если подумать, сегодня она не просила массаж.

Что на нее нашло? Она казалась немного угрюмой после вчерашнего урока, так что я собирался загладить свою вину, пока она не затаила обиду...

Надеюсь, у нее не возникнут странные мысли после того, как она будет сидеть взаперти одна в своей комнате. Но я думаю, она будет в порядке? Каким бы глупым ни был человек, он не стал бы делать что-то глупее, чем купание в молниях, верно?

Диск вернулся. Я молча смотрел на диск, а потом просто катал его по земле.

Аззи недовольно рявкнула.

* * *

— Я приняла решение, Финли.

— Прародительница...

В темноте раздался взволнованный голос. Финли выпустил крик благоговения. Если бы он не был вампиром, который не мог плакать, он бы уже был весь в слезах.

Прародительница Тырканзяка тихо сидела, наблюдая за ним. Торжественные слова сорвались с ее бледных губ.

— Эти двое не смогли показать путь. Только считают это невозможным. В конце концов, становится ясно, что они не могут достичь того, чего я хочу.

— Это потому, что они не дворяне ночи. Что могут знать крестьяне, привязанные к жизни?

— Я тоже не верю в такую возможность. Как может тот, кто однажды умер, вновь обрести свободно бьющееся сердце? Вот почему я сомневаюсь в твоём утверждении, что мои слуги знают путь. Как вы, дети, движимые моей силой, можете оживить меня?

Она высказала разумное замечание.

Столкнувшись с вопросом Прародительницы, Финли снова склонил голову.

— О Прародительница, время прошло. Мир изменился, и люди нашли свой собственный путь. Магия крови стала намного могущественнее, чем когда-либо. В отличие от обычной магии, это колдовство, сотканное из жизни и крови. С помощью этой силы, которой не знают и

не должны знать невежественные крестьяне, должно быть возможно оживить ваше сердце.

Он лгал. Финли произнес ложь, запрещенную слугам, без единой смены выражения лица.

Он не чувствовал напряжения или волнения, потому что он тоже был вампиром, чье сердце остановилось. Конечно, он чувствовал вину за то, что обманул Прародительницу, но думал, что позже это можно будет решить смертью. Кроме того, Финли был убежден, что эта ложь сможет выманить Прародительницу наружу.

И кто знает? Старейшины и слуги Герцогства Тумана, эти могущественные и мудрые вампиры, возможно, смогут найти способ вернуть сердце Прародительницы.

Как мог крестьянин осмелиться узнать тайный смысл кровавого искусства? Они ничего не знали. Было бы в сто раз лучше выйти и быть с вампирами, чем оставаться с ними здесь. Следовательно, это была верность. Финли, возможно, и обманул Прародительницу, но остался верен ей.

Вот так он обманывал себя.

Прародительница молча посмотрела на Финли, затем запоздало ответила.

— Я доверюсь тебе на этот раз. Воспользуйся этим методом и оживи мое сердце.

— Понял! Когда вы поднимаетесь на поверхность! Я возьму на себя ответственность и...

— Прямо сейчас.

— ... Простите?

Голос Финли стал слабым.

— Попробуй этот метод, который ты знаешь. Я не против неудач. Я корень твоего народа, и моя сила больше, чем у них всех вместе взятых. Если это осуществимо с твоей магией крови, я смогу распознать такую возможность.

Финли попал в беду. Если бы он мог потеть, он бы уже промок до нитки. Она хотела, чтобы он попробовал прямо сейчас? Продемонстрировал?

Это было невозможно. В конце концов, его слова были полусырой ложью. И эта надуманная ложь вот-вот должна была обнажить свое неприглядное тело перед глазами реальных доказательств.

Финли опустил голову ниже и начал умолять.

— Однако, о Прародительница. У меня нет особых достижений в магии крови. Я беспокоюсь, что моя некомпетентная магия может навредить вам.

— Независимо от этого. Разве я не говорила, что буду просто искать возможность? Если ты был свидетелем этой магии, ты наверняка способен ее имитировать.

Слово Прародительницы было абсолютным. Финли пришлось подчиниться. Но он солгал, и поэтому он не мог выполнить её требование.

Что ему оставалось делать? Признаться в правде, как бы поздно это ни было, и заплатить за обман?

Нет. Если он собирался это сделать, ему не следовало лгать с самого начала. Ничего не оставалось, как идти дальше. Финли уже забрался на спину тигра. Оставалось только бежать до конца.

Его глаза коварно блеснули в темноте.

— Как пожелаете, о Прародительница. Однако из-за отсутствия у меня способностей я не могу проявить силу, если ваша сила не повреждена. Так что...

На самом деле Финли хорошо разобрался в магии крови. Его специальность заключалась в доминировании, способности контролировать что-то своей кровью, выгравировав Кровавую Метку.

Хотя он был ничем иным, как пустяковым неонатом, если... если Прародительница откроет маленькую брешь.

— Я прошу вас отложить на мгновение всю свою силу и открыть мне своё сердце.

Это было кощунственно, но не невозможно. Как и желала Прародительница, она получит сердце, свободное от ее воли.

Правда, оно бы не билось, как ей хотелось.

<http://tl.rulate.ru/book/74815/3168164>